

Зоценко и Гоголь.

Недавно, въ одной изъ эмигрантскихъ газетъ, появилась перепечатка разсказа Зоценки «Мудрость». Вѣроятно, это новый разсказъ — по крайней мѣрѣ въ до сихъ поръ вышедшихъ сборникахъ разсказовъ Зоценки его, если не ошибаюсь, нѣтъ. Это исторія человѣка, котораго авторъ называетъ своимъ родственникомъ, Иваномъ Алексѣевичемъ Зоценко, жившимъ до революціи. У Ивана Алексѣевича была какая-то любовная исторія, послѣ которой онъ втеченіе одиннадцати лѣтъ жилъ какъ затворникъ; затѣмъ внезапно почувствовалъ какой-то приливъ бодрости. Онъ приводитъ въ порядокъ свою запущенную квартиру, сзываетъ прежнихъ своихъ пріятелей на пирушку; но за нѣсколько минутъ до ихъ прихода умираетъ отъ удара. Это новый у Зоценки сюжетъ. Это грѣбтескъ, изображеніе смѣшного въ трагическомъ или трагическаго въ смѣшномъ — гоголевское заданіе. Иванъ Алексѣевичъ еще пошлѣе, еще безличнѣе, чѣмъ Акакій Акакіевичъ, загадочная исторія его затворничества совершенно бессмысленна; его попытка «возрожденія» изображена сплошь комическими чертами — и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе отъ коротенькаго разсказа все же — впечатлѣніе ужаса. Все дѣло здѣсь въ стилѣ, въ манерѣ. Повѣствованіе ведется монотоннымъ, сѣрымъ, протокольнымъ какимъ-то языкомъ*), изобилу-

ющимъ стертыми, вялыми, общими мѣстами, подчасъ новаго происхожденія, характерными преимущественно для совѣтскаго «полуинтеллигента» («въ молодые годы былъ Ив. Ал. красивый, полный брютетъ съ опредѣленно яркимъ, южнымъ темпераментомъ...»), а также словечками, вообще связанными съ новымъ бытомъ и нравами («... связь эта, длившаяся съ полгода, была несчастлива, и повздоривъ изъ за своей дамы съ однимъ лицестомъ, который при многочисленныхъ свидѣтеляхъ обозвалъ ее шкурой, Ив. Ал. ударилъ того по мордѣ въ фойе академическаго театра, при этомъ сбиль съ носа пенснэ и разбилъ ухо. Результатомъ была дуэль, которая и состоялась на пуляхъ вблизи комендантскаго аэродрома; дважды Ив. Ал. названъ «гражданиномъ»). Все это вмѣстѣ подчеркиваетъ отдаленность, бытовую и душевную, фиктивнаго разсказчика, съ которымъ отождествляетъ себя авторъ, отъ «родственника» послѣдняго, его полиѣйшее равнодушіе къ Ив. Алексѣевичу, — абсолютное незначеніе о человѣкѣ, о которомъ онъ разсказываетъ. Оно выступаетъ съ тѣмъ большей выпуклостью, что разсказъ ве-

*) Всякій, почти разъ, когда упоминается второе дѣйствующее лицо, дается его точное обозначеніе: «дальняя родственница (Ив. Ал.-ча) старушка Капитолина Георгіевна Шнель».

дета очень обстоятельно и т. ск. добро-
совестно: «Кое - кто изъ прежнихъ его
пріятелей говорили, ч т о б у д т о (NB
— чуть замѣтный прорывъ безграмот-
ности) Ив. Ал. страдаетъ хроническимъ
катаромъ кишечника и нервными коли-
ками и будто бы болѣзнь наложила на
него неизгладимый, скучный (NB — это
великолѣпное по своей безпомощности,
ненужности, вялости, с к у ч н ы й !)
отпечатокъ».

Однако, эти черты зошенковскаго «ска-
за» въ М у д р о с т и — только тѣ,
которыя первыми бросаются въ глаза.
Стиль гротеска долженъ отражать вну-
треннее противорѣчіе идеи гротеска. У
Зошенки эта задача разрѣшена съ ге-
ниальной находчивостью. Рассказъ его
похожъ на стихотвореніе въ прозѣ —
съ раздѣленіемъ на приблизительно
одинаковыя по размѣру, закругленныя
рѣчевыя единицы — строфы, имѣющія
общее синтаксическое строеніе и общій
ритмъ. Постоянно повторяются одни и
тѣ же зачины — И в о т ъ, И
в с к о р ъ, О д н а ж д ы, А о д -
н а ж д ы и т. под. — за этимъ обыч-
но слѣдуетъ дѣепричастіе: И ж и в я
на одной изъ улицъ...; О д н а ж д ы
п р о с н у в ш и с ь л о у т р у...; Т о г -
д а, о б д у м ы в а я и п о р а -
ж а я с ь...; И г о в о р я о б ъ э т о м ъ..
и т. под. Э т о б и б л е й с к і й
стиль, а также и Т о л с т о в с к і й.
Совершенно по Толстовски звучитъ фра-
за: «...ему хотѣлось немедленно...позвать
къ себѣ всѣхъ... и сказать, что онъ по-
прежнему всѣхъ любить и хочетъ жить,
потому, что онъ знаетъ
теперь, что такое жизнь
и какъ нужно жить». Въдъ
«Мудрость» — мистерія; «мистерія —
гротескъ», но все же мистерія. Опощлѣ-
ніе тона — и смысла — мистеріи дости-

гается опять - таки чисто стилистиче-
скимъ путемъ: однообразнымъ и при-
томъ совершенно безличнымъ, построе-
ніемъ строфъ (стиль создается намѣ-
ренной безстильностью), съ монотон-
нымъ, усыпляющимъ сознание обиліемъ
дѣепричастныхъ предложеній. Напри-
мѣръ (смерть Ив. Ал.):

«Тогда, в з я в ъ еще листь розо-
вой бумаги, Ив. Ал. хотѣлъ то же самое
продѣлать и съ окошкомъ вечтины...
какъ вдругъ... обронилъ ножницы на
поль. Н а г н у в ш и с ь моменталь-
но надъ ними и к о с н у в ш и с ь
уже пальцами холодной стали, онъ по-
чувствовалъ, какъ какая - то тяжелая
волна крови прилила ему къ лицу.
Т р я х н у в ъ слегка головой, онъ хо-
тѣлъ выпрямиться, но захрипѣлъ и нич-
комъ свалился на поль, з а ц ѣ п и в ъ
ногой за стулъ, далеко и гулко о т о -
д в и н у в ъ его».

Синтаксическіе параллелизмы, повто-
ренія рѣчевыхъ схемъ выполняютъ въ
«Мудрости» различныя функціи, выра-
жая различныя оттѣнки одной и той -
же идеи — бессмыслія, автоматизма
жизни. Въ одной «строфѣ» рѣчь идетъ
о старушкѣ - родственницѣ, которая на-
чинаетъ что - то рассказывать Ив. Ал-
чу и сбивается; ея слабая мысль враща-
ется въ кругъ. И строфѣ придано — и
словесно и синтаксически циклическое
строеніе:

«Старушка, не желая на-
рушать его добраго на-
строенія принялась также раз-
сказывать о любви изъ собственной
жизни, но вспомнивъ нача-
ло она никакъ не могла
возстановить конца и спутавшись,
обиженно замолчала, стара-
ясь больше ничѣмъ не
раздражать Ивана Алек-

с ъ е в и ч а » (NB — мысль самага рассказчика тоже движется здѣсь циклично!).

Аналогичный приемъ — въ строфѣ, гдѣ идетъ рѣчь о душевной катастрофѣ Ив. А-ча и гдѣ надо показать, какъ въ сущности рассказчику она неинтересна и непонятна:

«Всѣ лучшія чувства, какъ напримѣръ: (1) благородство, (2) гордость, (3) тщеславіе — показались (1) с м ѣ ш н о й заботой и (2) бирюльками. А вся прелесть прежняго существованія, — (1) любовь (2) нѣжность (3) вино, — стала (1) с м ѣ ш н о й и (2) даже оскорбительной». И снова — какое-то сходство съ кадансомъ толстовскихъ «притчъ».

Или еще — мѣсто, гдѣ говорится, какъ гости сходятся на пирушку, — узнають отъ «старушки, дальней родственницы», что Ив. Ал. умеръ, и уходятъ:

«При этомъ, проходя мимо стола, дамы брали по одной г р у ш ѣ и л и п о я б л о к у , а мужчины кушали (NB: — это лакейское к у ш а л и !) по куску с е м г и и л и выпивали п о р ю м к ѣ малаги».

Вѣдь если бы повѣствователь рассказывалъ, что гости усѣлись за столъ и истребили весь ужинъ, — не было бы такъ жутко и такъ отвратительно — и вмѣстѣ такъ комично. Здѣсь все дѣло именно въ этой деревянности, въ однообразіи движений, въ мертвенности. «Гости» эти — марионетки.

Зоценко разрабатываетъ гоголевскій приемъ повтореній рѣчевыхъ схемъ. Напр. Городничій: Оно, к о н е ч н о , заводиться домашнимъ хозяйствомъ всякому похвально...; т о л ь к о , зн а е т е , въ такомъ мѣстѣ неприлично;

Также, засѣдатель вашъ — онъ, к о н е ч н о , человекъ свѣдущій, н о отъ него такой запахъ...;

К о н е ч н о , если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, н о вы посудите сами...;

Они, к о н е ч н о , люди ученые..., но имѣютъ очень странные поступки;

Оно, к о н е ч н о , Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?..

Повторенія — одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ комическихъ приемовъ. Но обычно повторяются какія-нибудь излюбленныя «героимъ» словечки (т а ё) , ругательства, прибаутки. У Гоголя и у Зоценки повторенія совсѣмъ иного рода. Повторяются, главнымъ образомъ, рѣчевыя схемы, которыми сами по себѣ направляютъ мысль говорящаго, — которыхъ онъ подчасъ не въ состояніи заполнить или заполняетъ чѣмъ попало. Это даетъ у Зоценки начало новому комическому приему — о б р а т н о й г р а д а ц і и , которымъ онъ вообще широко пользуется въ своихъ рассказахъ. Въ «Мудрости» есть великолѣпный образчикъ этого приема — разсужденія Ив. Ал-ча послѣ его «возрожденія»:

«Мудрость не въ томъ, чтобы людей презирать, а въ томъ, чтобы людей любить и дѣлать такіе - же поступки, какъ и они: ходить къ парикмахеру, суетиться, цѣловать женщинъ, пить, покупать сахаръ»*).

Если бы это « п о к у п а т ь с а х а р ь » стояло передъ « ц ѣ л о в а т ь ж е н щ и н ѣ », то было бы не столь комично, «Мудрость» была бы менѣе идиотской.

*) Вѣрный своему приему повторенія рѣчевыхъ схемъ, онъ заставляетъ рассказчика въ другомъ мѣстѣ сказать: «...и перетаскивая съ мѣста на мѣсто т о и л и и н о е кресло...»

У этого приема Зоценки есть сродство с другим, аналогичнымъ тому, который использованъ Шекспиромъ и Кальдерономъ — шуты послѣ патетической сцены: въ Мудрости этому соотвѣтствуетъ возвращеніе къ принятому дурацкому тону повѣствованія послѣ прорыва въ серьезность. Описание смерти Ив. Ал. заканчивается страшной въ своемъ лаконизмѣ фразой: «странная ровная синева прошла откуда - то снизу и спокойно покрыла его лицо». Но непосредственно вслѣдъ за этимъ пошла - рассказчикъ снова вытѣсняетъ автора и продолжаетъ свою рѣчь читателя газетъ: «Вбѣжавшая на шумъ дальняя родственница, старушка Шнель, констатировала, смерть, послѣдовавшую отъ удара».

Пришлось бы процитировать весь рассказъ цѣликомъ, чтобы показать, какой тонкій расчетъ лежитъ въ основѣ каждой фразы, какъ и въ основѣ цѣлаго, до какой степени стилистически выдержано все — вплоть до мельчайшей детали. Поразительна смѣлость этого искусства. Для Зоценки не существуетъ границъ окарикатуриванія, доведенія нелѣпости до полнѣйшаго неправдоподобія. Описывая предсмертный приливъ жизнерадостности у Ив. Ал. и тѣ судорожныя его метанія, на которыя толкнула его новая «Мудрость», рассказчикъ говоритъ: «Онъ нѣсколько разъ заходилъ по дорогѣ къ парикмахеру, требуя устроить ему то одну то другую прическу». Въ одной фразѣ заключены вмѣстѣ трагическое съ комическимъ, въ уродливомъ и жуткомъ сочетаніи. Все сплошь механизировано, обезсмыслено, обездушено — и въ концѣ авторъ напоминаетъ, что дѣло идетъ все - же о Человѣкѣ и о его Судьбѣ. Послѣдній гость, «ближайшій

другъ» Ив. Ал-ча, обидѣвшись на то, что тотъ обманулъ его — позвалъ въ гости, а самъ умеръ, и въ досадѣ даже отказавшійся отъ семги («онъ ковырнулъ вилкой въ тарелку съ семгой, но поднесъ ко рту кусокъ, отложилъ его обратно...»), уходитъ. Тогда «старушка вошла въ сосѣдную комнату и доставъ изъ комода простыню, завѣсила ею зеркало. Потомъ, доставъ съ полки Евангеліе, принялась вслухъ читать, покачиваясь всѣмъ корпусомъ, какъ отъ зубной боли. И голосъ ея, негромкій и глухой, прерывался и дрожалъ». Въ міровой литературѣ мало образцовъ подобнаго художественнаго совершенства: подобной сосредоточенности на художественной идеѣ, и обусловленной этимъ безошибочности въ выборѣ средствъ, — а отсюда сжатости, устраненія лишняго, строгости, съ которой отброшено все смѣшное ради смѣшного, цѣлесообразности каждаго комическаго эффекта, его глубочайшей осмысленности; такъ что, когда вспоминаешь другія произведенія, аналогичнаго рода, само собою навязывается одно — единственное — имя: Гоголь.

Попробуемъ сдѣлать экспериментъ. Откуда это: «Довольно хорошо у васъ потолоки расписаны... корзиночки, лира, вокругъ с х а р и к и, бубны и барабанъ! Очень, очень натурально?» Или еще этотъ перечень: «Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла...»? Вѣдь это вылитый Зоценко! Но это отрывки — изъ Гоголя, Зоценко разрабатываетъ и здѣсь гоголевскій приемъ. Мастерство, съ какимъ онъ это дѣлаетъ, свидѣтельствуется, что здѣсь не простое подражаніе, а подлинное творческое усвоеніе.

Изучение подражателей плодотворно в том отношении, что позволяет вскрыть «манеру» мастера, служащего образцом. Но, когда мы имеем дело не с подражателем, а с настоящим учеником, творчески последующим образцу, то сравнение его творчества с творчеством мастера сулит еще большее: этот метод помогает обнаружить уже не только «манеру» образца, но и то, что лежит за нею. Ученик является тогда комментатором учителя. Вспомним, где еще собираются гости на званый обед и обманываются в своих ожиданиях: приезжают — и не застают хозяйина. «Да нет, как же так делать? — продолжал генерал с неудовольствием. Фить.. Чорт.. Ну, не можешь принять, зачем спрашивать?» И утешаются тем, что отправляются хоть коляску посмотреть («впрочем, коляску посмотреть мы можем и без него...»). И совершенно по зоценковски звучит то место, где описывается радость Чертокуцкого, принявшего торжественное решение: «Чертокуцкий был чрезвычайно доволен, что пригласил к себе господ офицеров; он заранее заказывал в голов своей паштеты и соусы, посматривал очень весело на господ офицеров, которые также, с своей стороны, как - то удвоили к нему свое расположение..» (Следует прочесть целиком, как Ив. Ал. приглашает гостей, как он готовится к их приему). Свою шутовскую мистерию Зоценко вычитал из гоголевского анекдота, вскрыв тем самым лежащую в его основе интуицию жизни, ужась перед ее убожеством, бездушием в человеческих взаимоотношениях, безразличием человека к человеку, безвыходным одиночеством каждого чело-

вѣка: попробовал «бѣдняга» как - то сойтись с людьми, ужином угостить, коляску показать — и не вышло. Умереть не во время, или проснулся слишком поздно; мертвым - ли его нашли, или забывшимся от гостей под фартук коляски — все это один и тот же символ.

II. Биццлли.

О Прустѣ и Джойсѣ

Джойс теперь модный писатель — не в том смысле, что им принято и необходимо увлекаться, но он сумел расшевелить и очаровать элитного читателя, нашел у него сочувственный, нервно восторженный отзыв, подобно тому как Ремарк, случайно или законно, «попал в нерв» читателя среднего и гораздо менее взыскательного. Джойса без конца превозносят на всех европейских языках, и как раз на страницах «Чисель» люди, на мой взгляд, безупречного вкуса и чутя, утверждали, что именно он — величайшее достижение современной литературы, преемник или соперник Пруста, в чем - то даже его превзошедший. Мне эти восторги и это сравнение кажутся необоснованными, безмерно преувеличенными, и объясняются естественным пристрастием ко всему новому, только - что узанному и найденному.

Центральное произведение Джойса — «Улисс», роман писавшийся в течение семи лет, начатый в злополучном четырнадцатом году. На девятистах убогих страницах воспроизводится один единственный день (притом «день как день» — ничем не отличающийся от других) ирландского еврея